

---

## ПРАВОВАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ МЫСЛЬ

---

### “ПРАВО И ЛИТЕРАТУРА” – НАПРАВЛЕНИЕ В ЗАРУБЕЖНЫХ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

© 2013 г. Ирина Валериевна Борщ<sup>1</sup>

**Краткая аннотация:** в статье раскрываются истоки и основные направления научного движения “Право и литература” в зарубежных юридических исследованиях последних десятилетий. Дается обзор ключевых трудов и современных публикаций на эту тему. Кроме того, поднимаются проблемы критики и обоснования юридическо-литературных исследований.

**Annotation:** the article describes the origins and the main lines of the Law and Literature movement in the foreign legal studies of the recent decades. It provides an overview of key works and the modern publications on this topic. Furthermore it brings up the problem of the criticism and the justification of such legal-literary researches.

**Ключевые слова:** право, литература, правовая риторика и стилистика, язык права, правовое образование.

**Key words:** law, literature, legal rhetoric and stylistics, language of law, legal education.

Направление в междисциплинарных правовых исследованиях, которое обозначается словосочетанием “право и литература” (*Law and Literature*), возникло в 1970-х годах в американских юридических учебных заведениях и в настоящее время широко представлено во многих странах<sup>2</sup>. Сторонники этого подхода называют себя “движением”, подобно другим более известным школам в американской юриспруденции 1970-х годов, таким как “Движение за критические правовые исследования” (“*The Critical Legal Studies Movement*”) и др<sup>3</sup>.

Представление о том, что право и закон для своего адекватного понимания требуют обращения к широкому культурному, философскому и социальному контексту, всегда присутствовало в интеллектуальной истории. Право – это не только законодательные тексты и судебный

процесс, это особая область человеческой культуры. К историческим памятникам правовой культуры относят не только законодательные и судебные, но и определенные философские тексты, юридическую публицистику, а также и дидактические учебные тексты для обучения юристов.

Американские и европейские правоведы последних десятилетий, которые обозначают свои научно-академические интересы словосочетанием “право и литература”, полагают, что правовые коллизии, представленные в литературе, даже имея вымышленный, воображаемый характер, способны, тем не менее, рассказать многое о политической и социальной жизни и о людях, вовлеченных в правовые конфликты. Сопоставляя правовые и литературные тексты, они уделяют внимание не столько идеям, сколько человеческой ситуации, раскрытой художественными средствами.

Связующим звеном этих междисциплинарных исследований является не только человек, человеческая природа и ситуация, но и язык. Подчеркивается, что и право, и литература являются нарративным выражением определенного осмысленного видения реальности. Один из основателей движения Р. Вайсберг пишет: “Право изначально было связано с литературой как формализованная попытка структурировать реальность через язык и до сих пор сохраняет свою литературную сущность”<sup>4</sup>. Поэтому эти исследова-

---

<sup>1</sup> Научный сотрудник Института государства и права РАН, кандидат юридических наук (E-mail: borchtch@yandex.ru).

<sup>2</sup> Надо сказать, что отдельные попытки такого рода исследований предпринимались и ранее. См., например, книгу немецкого правоведа Й. Колера (1848–1919) “Шекспир с точки зрения права”, которая была издана в русском переводе в Санкт-Петербурге в 1895 г. См. также: Голяков И.Т. Суд и законность в русской художественной литературе. М., 1959.

<sup>3</sup> В книге профессора Бруклинской школы права Г. Минда о правовой мысли второй половины XX в. подробно описываются пять таких “движений” в юриспруденции 1980-х годов: “Право и экономика”, “Критические правовые исследования”, “Феминистская правовая теория”, “Право и литература”, “Критическая расовая теория” (см.: Minda G. Postmodern Legal Movements: law and jurisprudence at century’s end. New York, London, 1995. С. 83–188).

<sup>4</sup> Weisberg R.H. Diritto e letteratura // Enciclopedia Scienze Sociali Treccani. Vol. 3. Roma, 1993. P. 107.

дования подразделяются, в свою очередь, на два взаимодополняющих направления: исследование правовой тематики в литературных произведениях (“право в литературе”) и прочтение правовых текстов с применением методов литературной интерпретации, анализа и критики (“право как литература”).

### 1. “Право и литература” в 1970-е годы: Дж. Б. Уайт и Р. Вайсберг

Начало научного движения “Право и литература” принято отсчитывать с 1973 г., когда вышла книга американского преподавателя, в настоящее время профессора университета Мичиганского Дж.Б. Уайта “Правовое воображение”<sup>5</sup>.

В научной биографии этого автора обращает на себя внимание тот факт, что, прежде чем поступить в Гарвардскую школу права (1961–1964), Уайт получил диплом по английской литературе. После Гарварда и нескольких лет занятий юридической практикой он приступил к преподаванию. Книга “Правовое воображение” первоначально задумывалась как учебник-хрестоматия для студентов-юристов, изучающих правовую риторику и стилистику. В качестве хрестоматии книга содержит не только юридические тексты, но также и отрывки из литературных произведений (от Еврипида до Д. Джойса и М. Пруста). Авторские заголовки, вопросы и отступления раскрывают связь между литературными текстами и определенными правовыми проблемами. Вместе с тем, эти отступления косвенно передают определенную авторскую концепцию права.

Уайт рассматривает литературу и право как *действие, деятельность* и только затем как продукт этой деятельности. Под действием, которое лежит в основании как права, так и литературы, имеется в виду вербальная активность, говорение, речь. Поэтому право как организация жизни через язык-говорение-речь изначально связано с литературой по самой своей природе прежде всякого междисциплинарного исследования.

Сравнивая литературные и юридические тексты, правовед старается показать своеобразие правовой риторики. Особого внимания заслуживает раздел “*Возможности определения и выражения характера: право среди остальных*”, где на примере юридических текстов Уайт рассуждает

об описании характера и карикатуре, о редукции и детализации человеческого образа, о правде и лжи в речи о человеке. Эти рассуждения подводят его к одному из основных вопросов книги: *как вообще институции говорят о людях?*

У каждой институции, как полагает американский правовед, есть свой особый язык для того, чтобы говорить о человеке. Институции свойственно функциональное, абстрактное видение человека, ее язык – это язык формальностей и клише. При этом всякая институция касается только лишь какой-либо одной стороны человеческой жизни, т.е. той или иной институциональной стороны.

В ряду институциональных языков право занимает особое место, и с этим связан “фундаментальный парадокс права”. Опыт человечества свидетельствует о том, что именно право с его формальным языком позволяет сохранить и осуществить человеческую ситуацию во всей ее неформальной многогранности. Парадокс права, как полагает автор, состоит в том, что мы нуждаемся в институциональном языке со всей его “ограниченностью” в передаче человеческой ситуации. Ограниченность, схематичность правового языка не редуцирует, но способствует проявлению человеческих возможностей во всей их многозначительности. В продолжение этой мысли Уайт обращается к древнему эпосу. В то время как Ахилл (в прочтении американского правоведа) руководствуется во всех своих поступках вне-институциональной логикой, Эней основывает институцию как дело всей своей жизни. Этому делу служат все его жертвы в путешествии. Эней сам делает себя символом, институцией, которая в таком качестве есть не просто подчинение человека, но продолжение его дела, его осмысленного присутствия в мире.

Последняя глава “*Воображение юриста*” продолжает и развивает ключевую для всей книги тему воображения. В этой главе судья сравнивается с поэтом (“*Судья на самом деле поэт?*”), а юрист – с историком (“*Разрешая вопрос о воображении и реальности: историк как модель для юриста*”). Что дает основания Уайту для такого сопоставления? Особое, творческое отношение к реальности, которое он усматривает в праве, которое подобно литературной и исторической нарративности (“*Нарративное воображение и требование смысла*”). Историк не только фиксирует факты, но своим рассказом истолковывает их, связывает факты воедино, чтобы показать их смысл. Подобный подход Уайт усматривает и в

<sup>5</sup> White J.B. The Legal Imagination: studies in the Nature of Legal Thought and Expressions. Boston, 1973.

юридической речи, которая истолковывает факты в свете своего особого смысла – правового.

Предысторию движения “*Право и литература*” в англо-американском правовом мире можно заметить еще ранее 1970-х годов. Уже в XIX – начале XX вв. в американских университетах существовало обыкновение раздавать студентам-юристам для общего гуманитарного развития списки литературных произведений, в которых затрагивались юридические темы<sup>6</sup>.

Одним из самых известных таких списков литературы является список, составленный в 1908 г. американским юристом Д.Г. Вигмором<sup>7</sup>, который не просто перечисляет романы (в основном англо-американские), затрагивающие юридическую тематику. Он еще рассуждает о том, как литература говорит о праве.

Обратим внимание на то, как Вигмор обосновывает необходимость изучения литературы юристами: “Роман, который есть на самом деле произведение вымысла, – это каталог человеческих характеров, срисованных с натуры. А юрист должен понимать человеческую натуру. Он должен с пониманием работать с ее вариациями и мотивациями. И все это многообразие человеческой натуры он не способен найти в своем собственном непосредственном окружении. Жизнь не настолько долгая, а его личные контакты не настолько разнообразны, чтобы научить его тому, что может понадобиться в каком-нибудь новом непредвиденном случае. И поэтому для того, чтобы приобрести это знание, он должен обратиться к литературному вымыслу, который есть портретная галерея, взятая с натуры”<sup>8</sup>.

Спустя 70 лет список Вигмора актуализировал молодой профессор Школы права им. Бенджамина Кардозо (Нью-Йорк) Р. Вайсберг, став еще одной ключевой фигурой в набирающем обороты движении “*Право и литература*”. В 1977 г. он переработал модель Вигмора и опубликовал в соавторстве с К. Кретчман свой расширенный список литературы о праве<sup>9</sup>. Отметим, что благодаря исследованиям Вайсберга и его коллег, а

также учреждению в 1989 г. журнала “*Law and Literature*” название Школы Кардозо становится значимым для всего движения<sup>10</sup>.

В списке Вайсберга – Кретчман 1977 г. выделяются четыре категории литературных произведений: А) произведения, в которых подробно описывается юридическая процедура (при этом, речь идет не только о процессе, но и о предварительных действиях, которые ведут к процессу). В) произведения, в которых, хотя и не описывается формальный юридический процесс, но одна из центральных фигур повествования – это юрист, “человек закона”. С) произведения, в которых какая-либо норма закона – часто одна отдельная норма или процедуральная система – становится центральной темой. Д) произведения, в которых центральной темой являются отношения между индивидуумом и поиском юстиции (справедливости).

Следует отметить, что дискурс Вигмора оставался приписанным к англо-американской литературе, в то время как Вайсберг и Кретчман ссылаются также на европейскую континентальную и азиатскую литературу. Кроме того, они расширяют схему, включая в нее помимо нарративного также эпический и театральный жанры.

В категорию А (литература о судебном процессе) американские ученые включают такие произведения, как, например, “Венецианский купец” Шекспира, “Братья Карамазовы” Достоевского, “Посторонний” Камю, “Святылище” Фолкнера.

Вайсберг обращает внимание на то, что сам процесс, являясь центральным с точки зрения столкновения различных конфликтных сил всего произведения, показывается авторами по-разному. Так, например, Достоевский в “Братьях Карамазовых” жертвует драматической силой процесса, который мог бы быть сконцентрирован в одной драматической сцене, используя вместо этого косвенную структуру рассказа о процессе на трех уровнях, для того чтобы оттенить все сложные оттенки и риски фальсификации в уголовном процессе.

<sup>6</sup> В XX в. на высшие учебные заведения все больше переносится та гуманитарно-образовательная задача, которую раньше выполняли элитные школы и домашние учителя. В то же время юридическое образование из обучения практическому ремеслу (которое длилось от силы два года) превращается в многолетний университетский процесс с особой ролью гуманитарных дисциплин.

<sup>7</sup> См.: Wigmore J.H. A List of Legal Novels // Illinois Law Review, 1908. № 3. P. 574–596.

<sup>8</sup> Ibid. P. 579.

<sup>9</sup> Weisberg R.H., Kretschman K.L. Wigmore’s ‘legal novels’ expanded: a collaborative effort // Maryland law forum. Vd. VII. 1977. С. 94. См. также: Kretschman K.L., Helburn J. Legal novels: an annotated bibliography. Texas, 1979.

<sup>10</sup> Бенджамин Н. Кардозо (1870–1938) был выдающимся американским юристом и членом Высшего суда. Правовая школа его имени в Нью-Йорке была основана в 1976 г. Кардозо не имел непосредственного отношения к “*Праву и литературе*”, однако он отличался прекрасным литературным стилем и проявлял несомненный интерес к вопросам правовой риторики, благодаря чему его иногда относят к отдаленным предшественникам движения.

К произведениям категории В (*юрист в отношениях с реальностью за рамками профессиональной деятельности*) можно отнести такие произведения, как “Падение” Камю, “Уир Гермистон” Стивенсона, а также многие произведения Бальзака и Диккенса, героями которых являются судьи и адвокаты.

Произведения, которые входят в категорию С (*ключевым для повествования является какой-либо законодательный текст или судебное решение*), в перечне Вайсберга разнообразны и относятся к разным эпохам в истории права. В “Антигоне” Софокла главная героиня сталкивается с царским эдиктом, который принуждает ее действовать вопреки чувству справедливости. В “Саге о Ньяле” (эпос XIII в.), главный герой подчиняется суровому формализму законодателя. В шекспировской комедии “Мера за меру” драма завязывается, а затем и разрешается в связи с редко применявшимся венским законом против распутства<sup>11</sup>. Главная героиня бальзаковского романа “Урсула Мируэ” становится жертвой закона о собственности и наследстве. В романе Гюго “Отверженные” формально-охранительным требованиям закона противостоят требования милосердия и справедливости.

Категория D включает в себя произведения, которые раскрывают драму справедливости и ее поисков, вины и невиновности. Сюда относятся Эдип царь Софокла, “Божественная комедия” Данте Алигьери, “Процесс” Кафки, “Король Лир” Шекспира, а также многие произведения новейшей литературы, как, например, “Заводной апельсин” Э. Бёрджесса, и др.

Особое место – уже за границами данных категорий – занимают в перечне американского правоведа комические трактовки юридической тематики или даже просто многочисленные карикатурные фигуры юристов в литературе: адвокаты у Мольера, суд Санчо Пансы в роли губернатора у Сервантеса, юристы у Рабле.

Как полагает Вайсберг, юридическая тематика не случайно занимает такое огромное место в мировой литературе. В юридическом ремесле есть многое, что роднит его с искусством слова: драматичность, родственная литературе нарративная интерпретация фактов и т.п. В своей обобщающей книге “Поэтика”<sup>12</sup> американский исследователь

утверждает, что литература является тем живым и действенным посредником, который позволяет изучать право в этическом ключе. Совмещая понятие поэзии и этики, Вайсберг вводит свой собственный термин “поэтика”, для того чтобы объяснить свою теорию литературы и права. Поэтика, т.е. литература как квинтэссенция поэзии и этики, в своем внимании к правовому общению и к положению “другого” оживляет этический компонент права.

Еще одна интересная тема в творчестве Вайсберга, которая затрагивается в “Поэтике” и развивается затем в отдельной книге<sup>13</sup> и учебных курсах (например, курс “Европейские правовые институты и Холокост” в Школе Кардозо), – французская юриспруденция перед лицом расистских законов правительства Виши во Франции. Чтобы понять странный, безумный, невозможный альянс юриспруденции и нацизма, как и саму реальность жизни при правительстве Виши, Вайсберг обращается к миру таких литературных произведений, как “Нос” Гоголя и “Процесс” Кафки. Следует отметить, что интерес Вайсберга к юстиции в связи со Второй мировой войной носит не кабинетный характер: он успешно участвовал в процессах в американских федеральных судах, представляя интересы жертв Холокоста и их наследников<sup>14</sup>.

## 2. “Право как литература”

На ранних стадиях движение “Право и литература” фокусировалось на праве в литературных произведениях. Однако начиная с конца 1970-х годов начало развиваться и другое направление – исследование правовых текстов с помощью методов литературной критики и анализа (“право как литература”). Правоведы, принадлежащие к этому направлению, рассматривают правовые тексты как форму литературы, что делает возможным их литературный анализ. На это направление оказали большое влияние концепции как филологической, так и философской герменевтики XX в.

Теория постмодерна вошла в американский юридический мир в связи с работами необыкновенно популярного в США Ж. Дерриды, а также и таких американских теоретиков литературы, как С. Фиш<sup>15</sup> (который также преподавал право)

<sup>13</sup> См.: Weisberg R.H. Vichy Law And The Holocaust In France. New York, Amsterdam, 1996.

<sup>14</sup> В связи с этой научной и практической деятельностью в 2008 г. президент Франции Н. Саркози наградил его орденом Почетного легиона.

<sup>15</sup> См.: Fish S. Working on the chain gang: interpretation in the law and literary criticism // The politics of interpretation (ed. W. J. T. Mitchell). Chicago, 1983.

<sup>11</sup> По мотивам этого произведения, как известно, Пушкин написал поэму “Анджело”, в центре которой также стоит конфликт закона и милосердия.

<sup>12</sup> См.: Weisberg R.H. Poethics, and Other Strategies of Law and Literature. New York, 1992.

и В.Б. Майклс<sup>16</sup>. Со временем и европейские ученые, сильные своей богатой герменевтической традицией (особо можно упомянуть Г. Гадамера, Ф. де Соссюра, а также известного своими работами по философской герменевтике итальянского юриста Э. Бетти), также начали интересоваться отношениями между правом и герменевтикой.

Исследования в области юридической герменевтики обращают особое внимание на отношения между читателем (или сообществом интерпретаторов) и фундаментальными текстами культуры, к которой они принадлежат.

В США таким фундаментальным для всего общества текстом является Конституция. С проникновением теории постмодерна в юридическую герменевтику вокруг текста Конституции развернулась дискуссия о том, существует ли “оригинальный”, “подлинный”, “объективный” смысл, доступный интерпретатору? Или же текст лишен какого-либо объективного компонента и есть коллективный продукт своих интерпретаторов и их субъективных предубеждений? В свете выводов деконструктивистов имеет ли смысл все еще говорить о существовании “недвусмысленных” текстов? Или же всякое усилие интерпретации обусловлено исключительно условиями, в которых находится читатель? И насколько все это применимо к толкованию законодательных текстов?

В США этот спор, имеющий большое политическое значение в применении к законодательным текстам и их интерпретации, способствовал тому, что политические традиционалисты выступили в защиту таких понятий, как “смысл, присущий тексту” и “намерения автора”.

Впрочем, дискуссия эта вскоре же приняла слишком специальное направление, и не случайно, что среди работ в этой области преобладают исследования не столько юристов, сколько лингвистов.

В то же время такой знаменитый ученый-юрист, как Р. Дворкин, поддерживал доводы на предмет использования литературы для совершенствования правового понимания. Согласно предложенной Дворкиным *интерпретативной теории права* смысл писаного права может быть выявлен только через интерпретацию, которая должна учитывать существующую историческую традицию. В своей статье “Право как интерпретация” Дворкин утверждает: “Мы можем усовершенствовать

наше понимание права, сравнивая правовую интерпретацию с интерпретацией в других областях знания, в особенности в литературе”<sup>17</sup>.

### 3. Критика “Права и литературы”: Р. Познер

Р. Познер, американский юрист, правовед, экономист, судья, играл важную роль в движении “Право и экономика”, которое, как и движение, связанное с литературой, восходит к 1970-м годам.

Познер выступил с критикой движения “Право и литература” в своей книге “Право и Литература: неправильно понятое отношение”<sup>18</sup> (1988, 2009).

Книга Познера, с одной стороны, представляет собой интереснейшее введение в “Право и литературу”, включая в себя анализ основных направлений и различных литературных произведений. В итоговых главах сосредоточена критика “литературного” исследования права.

Познер рассматривает литературу как то, что не имеет веса в правовой реальности, что не умаляет ее ценности самой по себе. Он характеризует анализ правовой ситуации в романах как “вспомогательный”. Правовой фон, который создают писатели, – это всего лишь фон и не более того. Он не имеет собственного смысла и значения для смысла повествования. Описываемые в романах правовые ситуации – события частной жизни героев. Это – личные события. Они не могут иметь социально-юридического смысла. Главное содержание романов – человеческое существование, а не правовые установления.

Таким образом, Познер выступает с критикой взглядов таких ученых, как Уайт и Вайсберг. Он вступает в полемику с Р. Уэст – американским правоведом, которая высказывалась против экономического подхода к пониманию права<sup>19</sup>.

<sup>17</sup> Dworkin R. Law as Interpretation // Critical Inquiry: The Politics of Interpretation. Vol. 9. 1982. № 1. P. 179, 200.

<sup>18</sup> См.: Posner R. Law and Literature: A misunderstood Relationship. В 2009 г. вышло уже третье издание этой книги, в котором вторая часть названия опущена, а критика несколько смягчена. См. рец. Третьяков В. Право как литература – и наоборот (Рец. на кн.: Posner R.A. Law and literature. Cambridge, London, 2009 // Новое литературное обозрение. 2011. № 112).

<sup>19</sup> См.: West R. Authority Autonomy And Choice: The Role of Consent in the Moral and Political Visions of Franz Kafka and Richard Posner // Harvard Law Review. Vol. 99. 1985–1986. № 2 С. 384–428. В этой статье Уэст показывает, что теория права Познера, демонстрирующая свою убедительность в понятиях экономики, строится на ложных психологических предпосылках, и в частности на ложной теории мотивации. См. также ответ Познера: Posner R. The Ethical Significance of Free Choice: A Reply to Professor West // Harvard Law Review. Vol. 99. 1986. № 7. P. 1431–1448.

<sup>16</sup> См., например, по теме “Право и литература”: Michaels W.B. Against formalism: the autonomous text in legal and literary interpretation // Poetics today. V. I. 1979. С. 23; Michaels W.B. Intentionalism again // Cardozo studies in law and literature. Vol. I. 1989. P. 89.

Уэст утверждает, что литература имеет большое значение как главная трибуна социально-политической критики, к которой должны прислушиваться законодатели и судьи. Как полагает Познер, социальная критика, которая содержится в литературе, относится к тем временам, когда эта литература создавалась авторами. Она не может быть полезной современным юристам. Поэтому представителям “Права и литературы” следует “прекратить попытки гуманизировать правовую практику, занимая судей, адвокатов и студентов-юристов литературными произведениями, не имеющими отношения к праву”<sup>20</sup>.

Литература, вне сомнения, способна оказывать этическое воздействие на саму человеческую личность читателя-юриста, однако для профессионального юридического решения, судебного или административного, это воздействие, полагает Познер, малозначительно: подобные решения отражают сложившуюся политическо-экономическую ситуацию.

Познер считает, что литературные произведения не могут иметь значения в юридических дискуссиях, потому что истинный смысл, вложенный автором в художественное произведение, не является точным знанием – романы всегда истолковываются в том или ином контексте. Поэтому правововедам, указывает американский юрист, следует обращаться не к литературе, а к распространению накопленного и проверенного юридической наукой и практикой правового знания.

#### 4. “Право и литература” в Европе: развитие в последние десятилетия

Если у своих истоков движение “Право и литература” было связано с американским правовым миром (и, соответственно, англо-американской литературой), то в последние десятилетия оно широко представлено и плодотворно развивается также и в Европе. Междисциплинарные курсы по праву и литературе существуют во многих европейских университетах. Регулярно проходят конференции на эту тематику.

Охватить все разнообразие исследований и событий в этой области вряд ли представляется возможным. Мы упомянем некоторые существенные вклады только для того, чтобы дать представление о сложном и разнообразном мире “Права и литературы” в последние десятилетия.

#### А. “Право и литература” в Великобритании

В Великобритании крупнейшим центром по “Праву и литературе” являются Школа права колледжа Биркбек (Лондонский университет) и Университет Норфолка. Из междисциплинарных исследований в этой области особо можно выделить следующие работы британских правоведов.

М. Аристодему в своей книге “Право и литература: путешествия отсюда в вечность” (2000 г.)<sup>21</sup> рассматривает правовые проблемы в перспективе феминизма и постмодерна, интерпретируя различные тексты – от древнегреческих до современных романов и фильмов.

А. Джирей в книге “Право и эстетика” (2001 г.)<sup>22</sup> обсуждает соотношение эстетики и этики как в контексте исследований “Право и литература”, так и в контексте общего развития юриспруденции постмодерна, используя круг ссылок на классическую литературу от Софокла до Шелли и Ницше.

Я. Вард в работе “Право и литература: возможности и перспективы” (1995 г.)<sup>23</sup> рассматривает круг текстов от Шекспира до детской литературы и У. Эко. Автор пишет о том, что студенты-юристы могут понять истоки английской конституционной мысли, читая “Ричарда II” Шекспира, недостатки Закона об изнасиловании, прочитав “Рассказ служанки” М. Этвуд, а психологию английских законов о собственности – даже только лишь рассматривая картинки в “Повести о Питере Кролике” Б. Поттер<sup>24</sup>.

Одну из своих задач Вард видит в том, чтобы, как следует из названия, показать те обширные и захватывающие перспективы, которые открывает направление исследований “Право и литература”. Он предостерегает от того, чтобы растративать этот потенциал, делая данное направление слишком интеллектуальным, недоступным для простого читателя. “Интеллектуальная претенциозность – это распространенное зло столь многих современных юридических исследований. “Праву и литературе” следует стремиться избегать по-

<sup>21</sup> См.: Aristodemou M. Law & Literature: Journeys from Here to Eternity. Oxford, 2000.

<sup>22</sup> См.: Gearey A. Law and Aesthetics. Oxford; Portland, Oregon, 2001. См. также его интереснейшую статью на конференции, посвященной Дерриде: Gearey A. ‘Where the Law Touches Us, We May Affirm It: Deconstruction as a Poetic Thinking of Law // Cardozo Law Review. 2005. 27(2). P. 767–790.

<sup>23</sup> См.: Ward I. Law and Literature: Possibilities and Perspectives. Cambridge, 1995.

<sup>24</sup> См.: ibid. P. IX.

<sup>20</sup> Posner R.A. Law and literature. Cambridge, London, 2009. P. 550.

падать в эту специфическую ловушку”<sup>25</sup>. Цель подобных исследований в том, чтобы “расширять, а не просто углублять”<sup>26</sup>. Следует концентрироваться на литературных текстах, а не создавать новые теории права и литературы<sup>27</sup>.

В одной из своих последних книг “Право, Текст, Террор” (2009 г.)<sup>28</sup>. Вард размышляет над феноменом террора – риторики и эстетики терроризма, представленной в литературе, популярной культуре и политике. Книга основывается на обширном литературном материале, включая классическую драматургию, английскую поэзию, экзистенциальный роман. Цель этого сложного культурного анализа в том, чтобы лучше уяснить природу террора для имеющей с ним дело юриспруденции.

М. Уильямс, преподаватель права в различных британских университетах (имеет образование и в области английской литературы), развивает в направлении “Право и литература” феминистскую перспективу и гендерные исследования. Ее книга “Пустая юстиция: сто лет права, литературы и философии” (2002 г.)<sup>29</sup> представляет собой сложновыстроенное и оригинальное междисциплинарное произведение. В первых шести главах рассматриваются литературные произведения таких авторов последних столетий, как Т. Харди, Дж. Баллард, Дж. Фаулз, Дж. Кутзее, В. Вульф, А. Мердок, Г. Грин и др. Книга содержит также и большой юридический материал, цитируются законы и судебные прецеденты. Главная тема книги, как обозначается во “Введении”, – это отношения между моральной жизнью (моральными ценностями) и формированием идентичности, мужской и женской. Отношения моральности и идентичности автор прослеживает сквозь призму права, литературы и философии последнего столетия. Слово “пустота”, которое содержится

в заглавии книги (“Пустая юстиция”) и во всех внутренних подзаголовках, обозначает согласно автору ту особенность ситуации новейшего времени, которая проявляется во всех разбираемых произведениях: прежние институты и нормы стали неубедительны, и герой должен воссоздать систему моральных ценностей в окружающей его моральной нестабильности и “пустоте”.

Интересным в подходе Уильямс является ее привлечение философии как необходимого, по ее мнению, опосредующего элемента в дискуссиях о праве и литературе. Более поздняя работа Уильямс “Секреты и законы”<sup>30</sup> содержит эссе о понятиях непристойности, изнасилования, секса и насилия в праве и политике через призму поэзии Одена и Томаса, а также других произведений XIX и XX вв.

К. Долин, в настоящее время профессор в Университете западной Австралии, написал “Критическое введение в “Право и литературу”<sup>31</sup> (2007 г.). Его исследование охватывает широкий круг исторических периодов, таких как Ренессансная, Викторианская и современная литература, а также различных подходов к преступлению, колониализму, гендерным и расовым вопросам.

П. Рэффилд опубликовал монографию “Воображаемая конституция Шекспира: поздняя елизаветинская политика и театр права”<sup>32</sup> (2010 г.), которая представляет собой оригинальный вклад последнего времени в бесчисленную критическую литературу на тему Шекспир и право. Эта работа выделяется своим вниманием к театру, драматургии, к проблеме “драматургичности” в юридической деятельности, что неудивительно: ведь Рэффилд – не только ученый и преподаватель, он еще и профессиональный актер и режиссер. Прежде чем защитить докторскую диссертацию по праву, он снимался в фильмах британского телевидения.

## В. “Право и литература” в континентальной Европе

“Право и литература” в континентальной Европе динамично развивается, хотя и не так громко провозглашает себя как аналогичное американское движение. Надо сказать, что дисциплина эта все еще остается “новой”, “экспериментальной”

<sup>25</sup> Ibid. P. X.

<sup>26</sup> Ibid.

<sup>27</sup> Вард сам следует этой программе в своих книгах, например, в последней – “Право и сестры Бронте” (2011). Романы сестер Бронте, на первый взгляд, не представляют большого интереса с точки зрения права. Они посвящены женским судьбам и не содержат таких обширных “мужских” дискуссий о природе права, как это свойственно другим английским романам эпохи (здесь можно вспомнить, например, “Записки Пиквикского клуба” Диккенса). Варду удается показать, какие сложные и трудноразрешимые правовые конфликты и проблемы права стоят за перепетиями судеб самих сестер Бронте, а также их героинь.

<sup>28</sup> См.: Ward I. Law, Text, Terror. Cambridge, 2009.

<sup>29</sup> См.: Williams M. Empty Justice: One Hundred Years of Law, Literature and Philosophy – Existential, Feminist and Normative Perspectives in Literary Jurisprudence. London – Sydney, 2002.

<sup>30</sup> См.: Williams M. Secrets and Laws: Essays in Law, Life and Literature. London, 2005.

<sup>31</sup> См.: Dolin K. Critical Introduction to Law and Literature. Cambridge, 2007.

<sup>32</sup> См.: Raffield P. Shakespeare’s Imaginary Constitution: late Elizabethan politics and the theatre of law. Oxford, 2010.

для европейского юридического мира. Существуют несколько ученых сообществ, таких, например, как “Европейское сообщество по праву и литературе” (Роттердам), “Итальянское общество по праву и литературе” (Болонья), “Итальянская ассоциация по праву и литературе” (Турин)<sup>33</sup>.

“Право и литература” в Европе не может не иметь своих особенностей. Как известно, Европа относится к романно-германской правовой семье и тем самым коренным образом отличается от англо-американского юридического мира. Поэтому рассуждения американских основателей “Права и литературы” о судебном процессе, о речи судьи, о толковании прецедентов неизбежно приобретают здесь иное звучание. Вместе с тем, в европейском юридическом образовании гуманитарный подход и гуманитарные дисциплины, в особенности философия политики и права, традиционно имели гораздо большее значение, чем в узкоспециальных программах подготовки юристов в Америке.

Если же говорить об авторах, обращающих на себя внимание в связи с движением “Право и литература”, то особо следует отметить следующие имена.

Г. Ольсон, преподаватель Университета Гессена (Германия) и один из соучредителей наряду с Ж. Гаакер “Европейского сообщества по “Праву и литературе”, призывает европейских ученых учитывать особенности европейской правовой системы и истории, когда они исследуют право в контексте эстетики<sup>34</sup>. На примере движения “Право и литература” она обсуждает различия в американской, британской и германской правовых культурах и предостерегает от “тенденции универсализировать”, сводя все обсуждение к проблематике, типичной для американской среды.

Среди многочисленных работ Ж. Гаакер, судьи и преподавателя Роттердамского университета Эразмус, нам бы особо хотелось отметить два произведения. Во-первых, ее докторскую диссертацию 1995 г. об истоках движения “Право и литература” и его основателе Дж. В. Уайте<sup>35</sup>. Во-вторых, сборник “Пересекая границы: право,

язык и литература”<sup>36</sup>, вышедший в 2008 г. под ее редакцией (совместно с Ф. Остом), – издание текстов семинара, проходившего в рамках юридической конференции в Кракове в 2007 г.

Исследования Ф. Оста, профессора Брюссельского и Женевского университетов, являются тем самым примером, когда исследовательский подход “Права и литературы” применяется ученым вместе с глубоким знанием европейской культурной традиции и философии.

Новейшая книга Оста “Шекспир, комедия закона” (2012 г.)<sup>37</sup> представляет собой первый франкоязычный вклад в критическую юридическую литературу о великом английском драматурге и его произведениях, объединенных темой закона и власти.

Самая, пожалуй, известная книга Оста – “Рассказывая о законе: у истоков юридического воображения”<sup>38</sup> (2004 г.). Ее главная тема – рассказы об учреждении закона. Автор анализирует три фундаментальных для европейской культуры текста: библейскую книгу “Исход”, “Орестею” Эсхила и “Антигону” Софокла. Он обращает внимание не столько на сами законы, сколько на рассказ: все три истории соотносят законченную и совершенную в самой себе форму нового закона со сложной человеческой реальностью. Драма заключается в динамическом процессе вхождения закона в человеческую жизнь. История Антигоны прочитывается Остом в контексте всей последующей литературной и философской интерпретации, в частности в XIX и XX вв. В книге бельгийского автора можно прочитать интересное предположение: трагедия Антигоны состоит не просто в столкновении буквы закона и человеческой морали. Важно другое: в греческой трагедии почти отсутствует диалог между законодателем и народом. Именно этот диалог между Законодателем и освобожденным от рабства народом присутствует согласно Осту в библейском повествовании о Скрижалях Завета, переданных Моисею. Поэтому библейская драма заповедей наряду с древнегреческим мифом должна рассматриваться как ключевая парадигма юридической истории.

Еще одна книга Оста, которую хотелось бы особенно отметить, – “Перевод: защита и иллю-

<sup>33</sup> См., соответственно: European Network for Law and Literature // [http://www.esl.eur.nl/arw/sectie\\_rechtstheorie/european\\_network\\_for\\_law\\_and\\_literature](http://www.esl.eur.nl/arw/sectie_rechtstheorie/european_network_for_law_and_literature); Società Italiana di Diritto e Letteratura // <http://www.lawandliterature.org>; Associazione Italiana Diritto e Letteratura <http://www.aidel.it>

<sup>34</sup> См.: Olson G. ‘De-Americanising Law and Literature Narratives: Opening Up the Story’ Law and Literature [“Де-американизируя рассказы Право и литература: открытие истории”]. 2010. Vol. 22. № 2. P. 338–364.

<sup>35</sup> См.: Gaakeer J. Hope Springs Eternal: An Introduction to the Work of James Boyd White. Amsterdam, 1998.

<sup>36</sup> См.: Gaakeer J., Ost F., ed. Crossing Borders, law, language, and literature, Proceedings of the special workshop on Law and Literature (23d World Conference of IVR – August 2007). Cracow, 2008.

<sup>37</sup> См.: Ost F. Shakespeare. La Comédie de la Loi. Paris, 2012.

<sup>38</sup> См.: Ost F. Raconter la loi. Aux sources de l’imaginaire juridique. Paris, 2004.

страция мультилингвизма”<sup>39</sup> (2009 г.). В этой работе автор обсуждает тему общего универсального языка в контексте дифференциации современного знания. Вопрос о междисциплинарном подходе к праву неизбежно ставит проблему языка. Можно ли говорить о праве, литературе, социальной и политической жизни на одном языке? Или же это разные, непересекающиеся типы дискурсов? Не становятся ли междисциплинарные исследования “Права и литературы” поисками совершенного общечеловеческого языка? Опираясь на фило-софскую мысль, Ост называет перевод парадигмой существования общего языка. Перевод это не “приговор” человечества после “вавилонского проклятия”, но усилие его преодоления, которое автор называет “языковым гостеприимством”. Перевод – делает возможным диалог знаний, политических позиций, а также духовности, религии и секулярности. Эти выводы автора особенно актуальны в эпоху универсализации национальных правовых систем.

В Италии один из известных представителей “Права и литературы” – преподаватель английской литературы Веронского университета Д. Карпи. Она является основателем и председателем AIDEL (“Итальянская ассоциация права и литературы”). Под ее редакцией вышло несколько коллективных сборников и материалов конференций: “Закон о собственности в литературе Ренессанса” (2005 г.), “Шекспир и право” (2003 г.), “Концепция справедливости (беспристрастности) в праве и литературе” (2007 г.), “Биоэтика и био-право сквозь призму литературы” (2011 г.), “Ико-

нология власти. Представления о суверенитете в период Ренессанса” (2011 г.)<sup>40</sup>. Последняя книга в этом ряду (“Иконология власти”) показывает очень интересную тенденцию в итальянских исследованиях по “Праву и литературе”. Сборник включает в себя тексты, посвященные не только литературным произведениям, но и картинам, изобразительным образам. Таким образом, междисциплинарная область “Права и литературы” имеет тенденцию расширяться до права и культуры, права и искусства, когда наряду с художественной литературой анализируются и другие художественные произведения – живопись, кино, отражающие юридическую культуру своей эпохи. Это требует от исследователя еще более сложной компетенции и профессиональной подготовки. В качестве примера можно привести книгу А. Просперо “Юстиция с завязанными глазами. Исторические пути одного образа”<sup>41</sup> (2009 г.), где в связи с образом юстиции анализируются литературные тексты, картины (например, Джотто, Дюрер и др.) и философские тексты.

Направление “Право и кино”, примыкающее к движению “Право и литература”, также является очень популярным и динамично развивающимся в европейском юридическом и гуманитарном образовании.

<sup>39</sup> См.: Ost F. Traduire: défense et illustration du multilinguisme. Paris, 2009.

<sup>40</sup> Carpi D., ed. Property Law in Renaissance Literature. Frankfurt am/M. 2005. Id., ed. Shakespeare and the Law. Ravenna, Longo, 2003. Id., ed., The Concept of Equity in Law and Literature. Heidelberg, 2007. Id., ed. Bioethics and Biolaw through Literature. Berlin/New York, 2011. Carpi D., Fiorato S., ed. Iconologia del potere. Rappresentazioni della sovranità nel Rinascimento. Verona, 2011.

<sup>41</sup> Prosperi A. Giustizia bendata. Percorsi storici di un'immagine. Torino, 2009.